

²¹ Там же. – С. 37.

²² Там же. – С. 63.

²³ Там же. – С. 77.

²⁴ Там же. – Кн. 4 «Об истинной мудрости». – С. 239-240.

²⁵ Там же. – С. 270.

²⁶ Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, Архиепископа Александрийскаго. Часть первая. / Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – С. 128.

²⁷ Там же. – С. 134.

²⁸ Там же. – С. 136.

²⁹ Афинагор Афинский. Прощение о христианах Афинагора Афинянина, христианского философа Марку Аврелию Антонину, и Люцию Аврелию Коммоду, самодержцам армянским, сарматским и, что всего выше, философам // Памятники древней христианской письменности в русском переводе. – М., 1864. – Т. 5. Сочинения древних христианских апологетов. – С. 33.

³⁰ Там же. – С. 61.

³¹ Жильсон Э. Разум и Откровение в Средние века // Хрестоматия по западной философии. – М.: Астрель, 2003. – С. 588.

Герасименко А.П.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ О РЕЛИГИОЗНЫХ КОРНЯХ МОРАЛИ

Аннотация. Историко-философское изучение наследия Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) может быть плодотворно продолжено через анализ поставленных им конкретных вопросов. В «Оправдании добра» русский философ указал на происхождение религии из присущего человеку чувства благоговения перед предками – сначала матерью, потом отцом, затем перед всеми ушедшими поколениями своего народа. В «Критике отвлеченных начал», «Теоретической философии», в других работах он сформулировал ряд положений о строении человеческой души, которые получили развитие в психологии и могут при соответствующей интерпретации помочь в дальнейшем изучении религиозных корней морали.

Ключевые слова: Вл.С. Соловьев, этика, христианская этика, мораль, нравственность, происхождение религии.

За последних полвека специалистами в самых разных областях знаний накоплено немало достоверных сведений о природе человека. И хотя эти знания сами по себе способны отрезвить любого человеколюбца, особенно горькими они становятся, когда размышляешь о нескончаемых военных столкновениях, повсеместных актах террора и немотивированного вооруженного насилия, за которыми можно следить уже в прямом эфире. Многие связывают это с кризисом морали из-за секуляризации механизма социокультурного регулирования.

Действительно, если в XX в. численность населения Земли выросла в 3,7 раза, то число неверующих – в 241 раз. Правда, столь впечатляющий процесс как-то отвлекает внимание от того, что верующими себя считают 80% людей; 20% неверующих – это все-таки на 13,5% меньше христиан и лишь на 0,5% больше мусульман. Мало того – если количество приверженцев всех основных конфессий растет примерно в том же темпе (в 3–5 раз), что и общая численность населения, то есть такие религии (как бахаизм), количество сторонников которых выросло за минувшее столетие в 70 000 раз¹. По данным Института социологии РАН, к православным себя относит 89,7% населения нашей страны, еще 1% – к католикам, 0,2% – к баптистам, 5,3% – к мусульманам и 0,4% – к буддистам².

Социально-политические и нравственно-этические коллизии активно обсуждались в нашей стране и на рубеже XIX–XX вв. Особенно злободневными они оказались в связи с не утихавшими тогда спорами вокруг «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» автора трактата «Оправдание добра» В.С. Соловьева (1853–1900), опубликованных незадолго до его преждевременной кончины. Самобытный философ и литератор В.С. Соловьев жил на виду, о нем писали в газетах, перед ним преклонялись, его проклинали. Обширные работы о миросозерцании, жизни и творческой эволюции друга и дяди опубликовали Е.Н. Трубецкой и С.М. Соловьев. Как вспоминала А.А. Тахо-Годи, до последних дней писал книгу о Соловьеве А.Ф. Лосев, завершивший ее словами – «Спасибо ему»³. С тех пор в отечественной морально-этической полемике несложно различить позиции как бы общенаучные (атеистические, эволюционистские) и вероисповедные (теистические, креационистские). Впрочем, можно быть как верующим эволюционистом, так и неверующим креационистом. Тот же Соловьев писал, что нравственная философия не зависит всецело от положительной религии, потому что моральные дебаты ведутся на едином нормативном основании, не зависящим от религиозных и вероисповедных различий спорящих сторон. Тем не менее его этика вполне очевидно была христианской, а не мусульманской или буддистской.

Религиозно-нравственная проблематика постоянно обсуждалась и в Советской России. При этом на передний план вышли вопросы не столько конфессиональных, сколько социальных и политических различий в морали. После многолетних дебатов был принят «Моральный кодекс строителя коммунизма», включенный в утвержденную в 1961 г. Программу Коммунистической партии Советского Союза, он стал единственным источником «самой справедливой и благородной морали всего трудящегося человечества»⁴.

Если вернуться к началу прошлого века, то можно обнаружить, что в спорах с эволюционистами марксистского толка Э. Дюркгейм заявил: «Все большее число социологов и историков сходятся в том, что религия – наиболее первобытное из всех социальных явлений. Именно из нее путем последовательных трансформаций возникли все другие проявления коллективной деятельности: право, мораль, искусство, наука, политические формы и т.д. В принципе все религиозно»⁵ (В середине XX в. на этот счет недвусмысленно выразился К. Ясперс: «Жизнь едва ли не всего человечества, доступная исторической памяти, религиозна; это – указание на истину и сущность, заключающиеся в религии, игнорировать которую невозможно»⁶. Крупный немецкий философ был верующим человеком, он знал русскую литературу, пережил две мировых войны). Авторитетный французский социолог, скорее всего, не читал «Оправдание добра», но тем убедительнее почти текстуальное совпадение представлений о соотношении общества и личности двух современников.

Соловьев считал, что «разрыв между личностью и обществом как таковыми – лишь болезненный обман сознания. Общество есть дополненная, или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное общество. Человек изначально является как существо лично-общественное, а вся история есть лишь постепенное углубление, возвышение и расширение двусторонней, лично-общественной жизни»⁷. Похожим образом рассуждал Дюркгейм: «Между Богом и обществом надо сделать выбор. Не стану рассматривать здесь доводы в пользу того или иного решения; оба они близки друг другу. Добавлю, что, с моей точки зрения, этот выбор не очень существен, так как я вижу в божестве лишь общество, преобразованное и мыслимое символически»⁸.

Даже если считать, что 20% современных людей, считающих себя неверующими, живут исключительно по нормам светской морали, то они в явном меньшинстве среди тех, которые живут по нормам религиозной

морали. Наверное, кто-то может заметить, что когда-то и первые буддисты, христиане, мусульмане были в явном меньшинстве. Может быть, и нынешнее меньшинство состоит из тех, кто еще не подобрал себе подходящего пророчества? В любом случае делать им это приходится в информационно насыщенной среде, но во вполне различных культурно-исторических ареалах, каждый из которых имеет свою религиозную основу.

Напомним, что В.С. Соловьев, раскрывая начала нравственности, свел их к триединому основанию, заключенному в «трех основных чувствах, присущих человеческой природе и образующих ее натуральную добродетель: в чувстве стыда, охраняющем наше высшее достоинство по отношению к захватам животных влечений; в чувстве жалости, которое внутренне уравнивает нас с другими, и, наконец, в чувстве благоговения (религиозном чувстве), в котором сказывается наше признание высшего Добра»⁹. Если философ еще не знал об амбивалентности чувства как такового¹⁰, то не зная о совершенно естественных для любого ребенка бесстыдстве, жестокости, своеволии он никак не мог, потому что для этого вовсе не обязательно быть ученым, а достаточно обычной наблюдательности. Сомнительно, чтобы стыдом, жалостью и благоговением человек напитывался уже в пренатальном состоянии, но то, что он с младенчества обретает эти чувства лишь в общении с другими людьми, оспорить трудно.

Размышляя о религиозных корнях морали в связи с философией В.С. Соловьева, мы не можем не высказаться о существовании самой морали. В современном русском языке слова «нравственность», «мораль», «этика» в стилистико-риторических контекстах обычно используются как синонимы. Одним исконно русским словом «нравственность» зачастую обойтись невозможно. Поэтому в целях уточнения и украшения текстов привлекаются иноязычные «мораль» и «этика»¹¹. Вместе с тем, никто не спорит по поводу принадлежности «этики» к европейской философии, в которой она обычно вместе с «эстетикой» следует после «онтологии» и «гносеологии», т.е. этикой считается часть философии, сосредоточенная на изучении нравов.

Классическая европейская ученость покоится на древнегреческой и латинской. В области философии незыблемость древнегреческих языческих авторитетов, подкрепленная латинской схоластикой христиан-католиков, могла приводить в ярость Мартина Лютера¹² и забавлять Томаса Джефферсона¹³, но даже эти христиане-протестанты не решались выходить за пределы устоявшихся классификаций. Известно, что в наследии Аристотеля были три сочинения, еще в древности названных «Ethika» (Никомахова, Евдемова и Большая), т.е. отсылавших к нравам, нравственности-ethos¹⁴. В переводе на латынь это означало «Moralis», восходившее к moris – все тем же нравам¹⁵. Понадобился гений еще одного христианина-протестанта – Гегеля, назвавшего свою этику «Философия права» (три части этого трактата названы им соответственно «абстрактное право», «моральность», «нравственность»), чтобы подогреть схоластические споры о соотношении «морали» и «нравственности», продолжающиеся в нашей литературе до сих пор.

Об «этике» в том русском языке, на котором вырос Соловьев, В.И. Даль ничего не пишет. О «морали» в его словаре сказано, как о слове французского происхождения, означающем нравоучение, нравственное учение, правила для воли, совести человека, а также нравственные истины. «Нравственность» восходит к русскому слову «нрав». Заметим, что именно так переводится на русский греческое «ethos» и латинское «moris», которые превращаются в привычно-обычные и уже больше непереводаемые «этика» (а то и просто «этос») и «мораль».

По-русски «нрав» – вообще одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: ум и нрав слитно образуют дух (душу, в высшем

значении); к нраву относятся как понятия подчиненные: воля, любовь, милосердие, страсти и пр., а к уму: разум, рассудок, память и пр. «Согласный союз нрава и ума, сердца и думки образуют стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведет к упадку». Такого единства человек должен достигать убеждением, обузданием страстей и умничанья, сознанием долга. Производное от «нрава» – «нравственный – противоположный телесному, плотскому; духовный, душевный. Относящийся к одной половине духовного быта, противоположной умственному, но составляющий общее с ним духовное начало: к умственному относится истина и ложь, к нравственному – добро и зло»¹⁶. Нравственный – значит добронравный, добродетельный, благонравный; согласный с совестью, с законами правды, с достоинством человека, с долгом честного и чистого сердца гражданина.

«Всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доброй нравственности, доблести. Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога», – заключает Даль. Нравовучение – учение о нравственности, нравственная философия¹⁷. Недаром В.С. Соловьев, знавший гораздо лучше многих современников древнюю и новую, восточную и западную философию, собиравшийся сделать новый русский перевод Платона, назвал свой трактат «Оправдание добра» не этикой, а нравственной философией.

К сказанному трудно что-то добавлять, да, наверное, и не нужно. В любом случае, этика – это учение о действительно существующих явлениях нравственного или морального свойства. Не стоит называть этику наукой. Специалисты давно обнаружили в этике по меньшей мере четыре направления – метафизическое, натуралистическое, гедонистическое, утилитарное – и дали им подробную характеристику¹⁸. Никакая наука не может представлять одновременно и одинаково успешно в теологическом, неопозитивистском, марксистском, экзистенциалистском, неопрейдистском вариантах, причем не дополняющих, а опровергающих друг друга. Точнее будет понимать под этикой не больше чем теорию морали, которая разрабатывается на различных культурно-исторических и философско-мировоззренческих позициях в постоянной апелляции к хозяйственно-бытовым и социально-политическим обстоятельствам и отношениям.

Что касается морали, то она представляет собой социально-культурное регулятивное явление, воплощенное в единстве нравственного сознания, нравственной практики, нравственных отношений. В наиболее общем виде нравственные требования к человеку выражены в категориях добра, долга, чести, достоинства, совести, подразумевающих такие действия, без которых невозможно нормальное функционирование общества. Моральные нормы – одновременно как ограничения, так и образцы, побуждающие человека быть вежливым, тактичным, скромным, честным, деликатным, щедрым, отзывчивым, великодушным, почтительным и т.д.¹⁹.

Первоначально правильное поведение связывается людьми с общепринятым поведением. Чуть позднее они начинают отличать правильное как должное, подобающее человеку, от правильного как общепринятого фактически. Можно сказать, что в этом случае различаются поведение идеально правильное и поведение реально правильное. И первое, и второе называются одними и теми же словами – моральное, нравственное, этическое. Может быть, точнее будет правильное общепринятое поведение называть нравственным, правильное должное поведение – моральным, а учение о нравственном и моральном – этическим. Наиболее влиятельны буддистские, христианские, мусульманские учения о нравственности (этики), и связывают они свои концепции с деятельностью Сиддхартхи Гаута-

мы, Иисуса Христа, Мухаммеда. Посвященная им литература огромна. Непредвзятый анализ любого этического учения неизбежно укажет на его религиозные корни.

Возвращаясь к христианской этике Соловьева, оставим пока стыд и жалость и обратимся к благоговению, русские смыслы которого раскрываются следующим образом: «Смесь страха и уважения, смирения и покорности». Благоговеть – значит «страшиться и покоряться; смиряться в ничтожестве своем перед высшим; оказывать безусловное уважение и повиновение; раболепствовать; признавать и безмерно ценить чьи достоинства»²⁰. Именно так любой ребенок относится к взрослым людям. И в этом нетрудно усмотреть зародыш религии, что и делает Соловьев, утверждая, что религия вырастает не из фетишизма и не из мифологии, а из любви к родителям – «сначала относительно матери, потом отца»²¹. При всех различиях религиозных представлений и способов богочитания – от первобытного культа родовых предков и до христианского поклонения в духе и истине единому всемирному Отцу Небесному – нравственная сущность религии остается одна и та же: дикий каннибал и совершенный праведник, поскольку они оба религиозны, сходятся в сыновнем отношении к высшему и в решении творить не свою волю, а волю Отца. Такая естественная религия есть неотъемлемая часть закона, написанного в сердцах наших, и без нее невозможно осмысленное исполнение других нравственных требований»²². Согласимся – это весьма правдоподобное объяснение истоков религии, из зародышевого состояния которой (тотем и табу) постепенно выделились мораль и право, и от родимых пятен которой ни мораль, ни право, похоже, никогда не смогут избавиться.

Соловьев писал: «Когда дело идет о первоначальном образовании какого-нибудь основного понятия в человеческом сознании, нужно иметь в виду не взрослого человека, а ребенка». Это очень эвристичное положение он сам и применил для прояснения смысла религии, указав, что «в живом образе родителей впервые воплощается для младенствующего человека идея Божества»²³. По словам племянника, рассуждая о матери (женщине)/отце (мужчине), философ полагал каждого человека как бы вмещающим в себе трех людей: человека духовного, человека разумного, человека душевного. Нормальный пол человека душевного – это женский пол. Пол человека разумного, поскольку разум есть супруг души, – мужской пол. Дух выше этих различий²⁴. Возникающие при этом ассоциации с фрейдизмом отогнать невозможно. Приведем по этому же источнику отрывок из письма В.С. Соловьева А.А. Кирееву (6 апреля 1880 г.): «*Все существующее для нас принадлежит к трем различным областям и может быть сведено к трем различным началам. Во-первых, мы находим в себе нечто такое, что мы признаем безусловным и высшим себя, что есть в нас, но не от нас, нечто такое, чему мы свободно подчиняемся, как высшему идеалу, для нас внутренне обязательному, – это начало божественное в человеке, делающее человека более, чем человеком (Ну чем не «Сверх-Я»? – А.Г.) Вместе с ним мы находим в себе некоторое другое данное, также от нас независимое, но с противоположным характером, нечто такое, что мы признаем условным, случайным и низшим себя, подчиненным, – это есть природное или материальное начало, в нас но не от нас, существующее и делающее человека менее, чем человеком (Самое настоящее «Оно». – А.Г.) Между этими двумя противоположными началами сознание находит самого себя, как нечто содержащее в себе оба первых начала, но от них отличающееся, могущее так или иначе к ним относиться, давать им в себе то или другое место. (А это – «Я». – А.Г.) Таким образом, самосознание, как таковое, представляет некоторое особенное начало – начало рациональное или чисто человеческое...»²⁵.*

В его статье о Тютчеве можно прочесть: «В душе отдельного человека светлое духовное начало имеет против себя темную хаотическую основу, которая еще не побеждена, еще не подчинилась высшим силам, – которая еще борется за преобладание и влечет к смерти и гибели»²⁶. Иронизируя над Декартом, он заметил, что субъект «существует, конечно, не потому, что мыслит, а потому, что его мать родила»²⁷. Тем не менее свою книгу «Оправдание добра» он подписал так: «Посвящается моему отцу историку Сергею Михайловичу Соловьеву и деду священнику Михаилу Васильевичу Соловьеву с чувством живой признательности и вечной связи». Деда в семье Соловьевых считали святым, он учил внука читать по Библии.

Был ли В.С. Соловьев последовательным в раскрытии религиозных корней морали, да и возможна ли в таком деле последовательность? Мысль антропологов о том, что и в случае с человеком онтогенез (индивидуальное развитие) повторяет филогенез (видовое развитие), ему не чужда. В своей нравственной философии, в полном соответствии с европейскими канонами, характеризуя развитие семьи, нации, права, государства, человечества, он оперирует теми фактами, что позволяют понимать людей (от первых до современных) филогенетически. Хотя было бы последовательней держаться онтогенеза – оперировать фактами, связанными с жизненным циклом (от рождения до смерти) отдельного человеческого существа. Развитие человеческого рода и развитие человеческого индивида не совпадают в самом главном для любого человека – в личном опыте. Каждый человек обнаруживает себя в данной стране, а не где-то среди неизвестных ему людей и поколений. Опыт каких-нибудь экзотичных племен или отечественных пращуров ему доступен только при специальном изучении. Но нормальный обыватель никогда этим не занимается. Как и все, он рождается, живет, умирает в конкретно-исторической среде.

Соловьев справедливо считал: «Всемирный смысл жизни, или внутренняя связь отдельных единиц с великим целым, не может быть выдумана нами, она дана от века. От века даны твердыни и устои жизни: семья... отечество... церковь». Не менее справедливо он указывал и на то, что семья, отечество, церковь историчны, т.е. «они становились, мы не имеем никакого разумного основания утверждать, что они стали окончательно и во всех отношениях». Но он совершенно несправедлив, когда пишет: «При отсутствии единства и неизменности в исторической форме вечного добра приходится выбирать между многими различными»²⁸. Все дело в том, что каждый обнаруживает себя именно в исторически конкретных и единственных для него семье, отечестве, церкви и не способен, оставаясь человеком, перенестись ни назад, ни вперед, ни влево, ни вправо, ни вверх, ни вниз. Не выбираем мы себе ни семьи, ни отечества, ни церкви, мы способны только принимать или не принимать те, в которых обнаружили себя.

Взгляд В.С. Соловьева отвечает самым высоким меркам европейского гуманизма, когда он видит в человеческой личности такое безусловное свойство, как «внутренняя возможность бесконечного совершенства через восприятие и усвоение абсолютной полноты бытия»²⁹. Достижение полноты бытия и есть безусловная и окончательная цель человека. Человек, воспринимаемый как средство достижения самых возвышенных идеалов, лишается тем самым своего достоинства. Человеческое достоинство каждого лица есть его свойство быть нравственным существом. При этом: «Недостаточность субъективного добра и необходимость его собирательного воплощения слишком очевидно доказывается всем ходом человеческой истории»³⁰. Но ведь «собирательно» человеческая история – это, в основном, все и вся мерзости, среди которых заслуживают упоминания только единичные и редчайшие воплощения именно «субъективного» добра. Приводимое им сравнение гомеровской Греции с США и Россией

второй половины XIX в. невероятно наивно, потому что «маньяки» и «профессиональные преступники» не только были всегда, но значительно выросли в числе после отмены рабства у нас и за океаном. Он пишет: «Предоставить злым и безумным людям полную свободу истреблять людей нормальных отнюдь не есть правильный путь для осуществления совершенного общества. Желательна здесь не свобода зла, а организация добра»³¹. Как раз «организация добра» и есть то зло, что гарантирует невыносимость земной жизни. И до Соловьева, и после него только при большом желании можно не увидеть, как чистейше христианские требования превратили то или иное общество в «организованную нравственность» неизменно превращали это общество в ад кромешный. Прав был З. Фрейд, сказавши: «С тех пор как апостол Павел положил в основу своей христианской общины всеобщее человеколюбие, предельная нетерпимость христианства ко всем оставшимся вне общины стала неизбежным следствием»³².

«Всеединство» Соловьева – это, как у большинства христианских мыслителей, всего лишь «три в одном», где даже человек, вопреки засвидетельствованному его племянником убеждению в двуполости, – это два мужчины и дух, который хоть и выше различий, но явно тоже мужского пола. Мы действительно всегда обнаруживаем что-то единичное и единое – будь то личность, толпа, государство или что-то еще, которое оказывается либо добрым (положительным), либо злым (отрицательным). На самом деле это единичное одновременно добро-злое. Возобладало добро или возобладало зло – обнаружить несложно, если твердо знать, что такое добро и что такое зло. Соловьев не только знает, но втайне считает себя пророком. Но ведь точно так же можно рассуждать по поводу истинности-ложности, красоты-безобразия, правды-неправды и пр. Если точка отсчета (мерило) – «Абсолют», то сам этот абсолют разнится в определенно и очевидно не совпадающих культурах. Так, он разный у христиан и мусульман. Христиане и мусульмане могут по-разному понимать добро-зло, истину-ложь, красоту-безобразие, правду-неправду. И Соловьев не может этого не знать, он посвятил мусульманству специальную работу – «Магомед, его жизнь и религиозное учение». О расхождениях по принципиальным вопросам в самом христианстве между православными и протестантами, католиками и протестантами, православными и католиками он много писал почти всю жизнь, осторожно публикуясь больше за границей. К тому же одними и теми же священными текстами, в которых обнаруживается Абсолют, пользуются не только все христиане, но и все иудеи. Впрочем, не столь зияющие, но все же очевидные расхождения в трактовке своего священного текста есть между мусульманскими суннитами и шиитами, да, вроде бы, и отвергаемый ими бахаизм вышел отсюда.

В любом случае попытки построить общезначимую нравственную философию (этику) на одной конфессиональной основе, как это делает В.С. Соловьев, останутся небезопасными опытами, достойными уважения, но несостоятельными в притязании на всеобщность. На самом деле, его понимание буддизма, признание одного в качестве мировой религии, резюмируется им же лаконично – «универсализм монашеского ордена»³³. Но уж ему-то стыдно забывать, что «собрать воедино все части человечества и образовать из них новое царство высшего порядка» в христианском порыве стремился и стремится не какой-то один, а несколько монашеских орденов, каждый из которых претендует на исключительную призванность к всечеловеческому универсализму. При этом сам Соловьев указывал на очень простое, но удивительным образом всегда забываемое и ускользаемое обстоятельство – «не одна, а несколько религий утверж-

дают безусловную достоверность своей истине, требуя выбора в свою пользу»³⁴.

Для философии В.С. Соловьев сделал много. Особенно – для русской философии. Долгие годы у нас в стране его либо просто замалчивали, либо пренебрежительно поносили как отсталого реакционера. Сегодня интерес к философу обострился и расширился. Поднятые им вопросы, как мы пытались показать, не утратили значения и нуждаются в дальнейшей разработке.

Библиографический список

Джефферсон Т. Письмо Д. Адамсу 5 июня 1814 г. // Американские просветители. – М.: Прогресс, 1969. – Т. 2.

Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. – М.: Наука, 1974.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995.

Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991.

Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М.: Молодая гвардия, 2009.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. – М.: Политиздат, 1991.

Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма, 2009.

Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // М. Лютер. Время молчания прошло. – Харьков, 1992.

Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. В 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990.

Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соч.: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990.

Соловьев В.С. Теоретическая философия // Соч.: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990.

Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // В.С. Соловьев. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991.

Соловьев С.М. Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. – М.: Республика, 1997.

Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // З. Фрейд. Основной инстинкт. – М.: Олимп, 1997.

Ясперс К. Философская вера // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

---

¹ См.: Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий. – М., 2005. – С. 84–85.

² См.: Мир религий. – М., 2006. – С. 111.

³ См.: Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и его время. – М.: Молодая гвардия, 2009.

⁴ См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 3. – С. 317–318.

⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – С. 206.

⁶ См.: Ясперс К. Философская вера. 1948 // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 457.

⁷ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: В 2-х т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 64–65.

⁸ Дюркгейм Э. Социология... – С. 337.

⁹ Соловьев В.С. Оправдание добра... – С. 544.

¹⁰ Правда, в 1880 г. в «Критике отвлеченных начал» он обращал внимание на то, что есть отрицательная общность между стыдом и бесстыдством, между одухотворением тел и овеществлением душ, между воскресением плоти и умерщвлением духа. См.: В.С. Соловьев. Соч.: В 2-х т. – Т. 1. – С. 536–538.

- ¹¹ См.: Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 4.
- ¹² Лютер назвал Аристотеля «слепым языческим наставником», властвующим в университетах, и предлагал полностью изъять из оборота его книги, «которые до сих пор считались лучшими, вместе со всеми другими, славословящими естественные вещи, хотя на основании их нельзя изучить ни естественные, ни духовные предметы». Со свойственным ему красноречием великий христианский реформатор продолжал: «Я осмелюсь сказать, что любой гонимый имеет более глубокие знания о естественных вещах, чем можно почерпнуть из книг Аристотеля. Мне сердце скорбит, что проклятый, высокомерный, лукавый язычник своими лживыми словами совратил и одурачил столь многих истинных христиан. Так Бог изводит нас Аристотелем из-за наших грехов». См.: М. Лютер. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Время молчания прошло. – Харьков, 1992. – С. 68.
- ¹³ Т. Джефферсон писал Д. Адамсу: «Я развлекался серьезным чтением платоновского «Государства». Пробираясь через причуды, ребячество и непостижимый уму жаргон этого труда, я часто откладывал его, чтобы спросить себя, как могло случиться, что мир так долго соглашался принимать всерьез такую бессмыслицу, как эта». См.: Джефферсон Т. Д. Адамсу. 5 июня 1814 г. // Американские просветители. – М.: Прогресс, 1969. – Т. 2. – С. 102.
- ¹⁴ См.: Кессиди Ф.Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Соч.: В 4-х т. – М.: Мысль, 1984. – С. 5.
- ¹⁵ См.: Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. – М.: Дом славянской книги, 2011.
- ¹⁶ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – СПб.: ТОО Диамант, 1996. – Т. 2. – С. 558.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Сошлемся на корифеев: П.А. Кропоткин. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991; Н.О. Лосский. Условия абсолютного добра: Основы этики. – М.: Политиздат, 1991; О.Г. Дробницкий. Понятие морали. Историко-критический очерк. – М.: Наука, 1974.
- ¹⁹ См.: Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма, 2009; Ее же, но гораздо раньше: Право, мораль, личность. – М.: Наука, 1986.
- ²⁰ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка... Т. 1. – С. 92.
- ²¹ Много лет спустя Карен Хорни писала: «Родители – объекты не только любви и ненависти, но и инфантильных актов детских и отроческих лет. В значительной мере наша совесть, особенно ее бессознательная часть, именуемая Сверх-Я, обязана своим происхождением внедрению в нашу личность устрашающих образов родителей». См.: Хорни К. Психология женщины // Собр. соч.: В 3-х т. – М., 1997. – Т. 1. – С. 177.
- ²² Соловьев В.С. Оправдание добра... – С. 55–56.
- ²³ Там же. – С. 174.
- ²⁴ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. – М.: Республика, 1997. – С. 116.
- ²⁵ Там же. – С. 116.
- ²⁶ См.: Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 475–476.
- ²⁷ Соловьев В.С. Теоретическая философия // Соч.: в 2-х т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 827.
- ²⁸ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра... – С. 89-90.
- ²⁹ Там же. – С. 307.
- ³⁰ Там же. – С. 331.
- ³¹ Там же. – С. 398.
- ³² См.: Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Основной инстинкт. – М.: Олимп, 1997. – С. 481–482.
- ³³ Там же. – С. 314.
- ³⁴ См.: Соловьев В.С. Теоретическая философия... – С. 763.